

Юй Хун до сих пор помнил, как стоял тогда на коленях, протягивая руки и умоляя сына спуститься. Его лицо заливали слезы. Юй Аньянь безучастно смотрел на отца сверху вниз. Прошло несколько долгих минут; в актовом зале Дворца творчества кто-то успел доиграть до конца «Симфонию судьбы» Бетховена, и лишь тогда мальчик медленно, шаг за шагом, пошел вниз.

Отец судорожно прижал его к себе и услышал, как Аньянь — совсем еще ребенок — негромко, поразительно ровным и безэмоциональным голосом произнес:

— Хорошо, папа. Я побуду твоим сыном еще одиннадцать лет.

В просторной, изысканно обставленной спальне воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь тихим, мерным гулом кондиционера. Юй Хун сидел на краю постели. Осунувшееся лицо выдавало глубокую старость, а из-под прикрытых век медленно скатилась скупая слеза. Этот человек, чье имя заставляло трепетать деловой мир столицы, имел лишь одну уязвимость — своего старшего сына.

— Я ведь привел того мальчика в дом лишь на время, — хрипло, растеряв всю былую властность, проговорил Юй Хун. — Я просто... просто надеялся, что братья смогут поладить...

Ассистент Сюй мысленно вздохнул. Тогда, вырвав двенадцатилетнего Аньяня из лап похитителей, глава семейства твердо вознамерился навсегда вычеркнуть из жизни бастарда, рожденного той женщиной. Однако любопытство пересилило: он решился на одну короткую встречу. И одного взгляда на ребенка хватило, чтобы сердце дрогнуло.

Мальчика назвали Юй Жуйсюанем — имя, в которое отец вложил все свои надежды на светлое будущее. А едва младший сын достиг совершеннолетия, его официально ввели в семью.

Едва переступив порог фамильного особняка, Жуйсюань сразу же отправился к старшему брату. С порога он заискивающе заявил:

— Брат, я ни на что не претендую. Пока ты жив, я у тебя ничего не заберу. Всё, чего бы ты ни пожелал, будет твоим.

Юй Хун тогда остался крайне доволен кротостью младшего сына. Но той же ночью Аньянь без лишних слов спустил Жуйсюаня с лестницы, пинком отправив его лететь со второго этажа на первый. Сверху вниз взирая на распластавшегося на мраморном полу брата, он холодно бросил:

— Я хочу, чтобы ты убирался отсюда к чертям. Ну как, отдашь мне это?

Побитый Жуйсюань пытался было задобрить старшего брата новыми уговорами, но отец, узнав о случившемся, не стал рисковать и на следующий же день отослал младшего подальше.

Все в клане Юй знали: Аньян для главы семейства — зеница ока. Стоило кому-то из родственников хотя бы косо взглянуть на наследника, как Юй Хун тут же перекрывал наглецу любые денежные потоки. Чего бы ни захотел его первенец, отец из-под земли доставал возделенное и преподносил сыну на блюдечке.

И все же пропасть между отцом и сыном лишь ширилась, а их отношения с каждым годом становились всё холоднее.

Одно лишь существование Жуйсюаня оставалось непреодолимым барьером. Старина Сюй прекрасно понимал, что младшим сыном движут далеко не братские чувства — его амбиции в отношении семейного бизнеса были безграничны. С самого детства тот из кожи вон лез, грыз гранит науки, поступал в те же элитные заведения и получал те же дипломы, что и старший брат, буквально наступая ему на пятки.

На людях Жуйсюань разыгрывал роль заботливого брата: разглагольствовал о спасении Аньяня, молил духов, за баснословные деньги нанимал всяких шарлатанов и подозрительных мастеров фэншуй. Но любой здравомыслящий человек видел этот фарс насквозь — бастард просто вел обратный отсчет до кончины наследника.

Старина Сюй, знавший старшего сына с малых лет, терпеть не мог младшего. Однако поделаться ничего не мог. В этом году Аньяню исполнилось двадцать три — критический, роковой возраст. И Жуйсюань даже не пытался скрыть, с каким нетерпением он ждет возможности занять место законного наследника в компании и в самом доме, чтобы навсегда растоптать память о сопернике.

Юй Хун тяжело поднялся с постели, опираясь на тумбочку.

— Есть новости из провинции Цин? — глухо спросил он ассистента. — Спасатели готовы? Выдели им сколько угодно денег. Пусть закупят лучшее снаряжение, обеспечь им любые условия, только пусть вытащат его. И отправь бригаду наших личных врачей к подножию горы Одинокое Дракона. Они должны дежурить там круглосуточно. Никаких осечек, слышишь?

— Подготовь и мою машину. Я сам поеду встречать Аньяня.

Все понимали, что из этой проклятой глуши Аньян вряд ли вернется невредимым. Кого придется забирать безутешному отцу — еще большой вопрос. Живого ли человека?..

Страшная участь — хоронить собственного ребенка.

Старина Сюй вновь обреченно вздохнул и уже открыл было рот, чтобы ответить, как вдруг...

С лестницы донесся торопливый, глухой топот ног. В дверях, тяжело дыша, показался старый дворецкий. Едва переведя дух, он взволнованно обратился к хозяину:

— Генеральный директор Юй! Только что доставили срочное письмо. Его пересылали через десятые руки, едва нашли адресата... На конверте пометка: касается молодого господина. Просят вскрыть незамедлительно!

В воспаленных, налитых кровью глазах отца на миг вспыхнул отчаянный огонек надежды.

Деревня Одинокого Дракона. Буддийская молельня на третьем этаже

Щелк.

Нань Цзин снова щелкнул зажигалкой. В слабом пламени он увидел, как взгляд Аньняня подернулся непроглядным мраком, словно из его глаз улетучились последние крупы тепла.

— Ты не умрешь, — твердо возразил юноша. Огонек зажигалки отразился в его зрачках яркими искрами. Реплика прозвучала почти как клятва: — Я не позволю тебе умереть.

Аньнянь подался вперед. Двинув согнутой в колене ногой, он случайно задел лежащий на полу черный рюкзак Нань Цзиня. Тот не был застегнут, и от легкого толчка мягкая ткань осела, явив на свет свое содержимое. Из раскрытого зева на доски выкатились вещи, среди которых лежал и старинный фолиант для ритуалов.

Однако внимание мужчины привлекло другое — показавшийся из угла рюкзака сине-черный глиняный кувшин.

Взгляд Аньняня намертво прикипел к этому зловещему кувшину. Поперек шероховатой глины была наклеена странная багровая бумага, исписанная угольно-черными иероглифами заклęcia.

Тусклый отсвет зажигалки скользнул по сине-черным бокам кувшина. Аньнянь слишком хорошо его помнил. Совсем недавно отец, дрожащими руками сжимающий этот самый кувшин величиной с ладонь, на коленях умолял сына принять его.

Как же он тогда причитал?..

"Аньнянь, умоляю, послушай! Жуйсюань расшиб лоб в кровь, выпрашивая этот кувшин у великого мастера! Он спасет тебе жизнь! Я уже нашел человека с подходящей датой рождения — его гороскоп идеально совпадает, он примет на себя удар и защитит тебя, пока держит этот сосуд. Послушай отца, позволь ему быть рядом с тобой..."

За тринадцать лет таких спасителей, присланных отцом, сменилось без счета. Все они

наперебой твердили, что знают способ обмануть смерть, и их слащавые речи вызывали у Аньяня лишь глухое отвращение. Само их присутствие служило навязчивым, уродливым напоминанием о том, что дни его сочтены.

К тому же некоторые из этих так называемых магов на поверку оказывались шарлатанами, чьи нелепые обряды лишь ухудшали его состояние.

И вот — кувшин, вымоленный Жуйсюанем. Спасение? Нет, скорее изощренное пожелание поскорее отправиться на тот свет.

Аньянь тогда наотрез отказался принимать сомнительный дар. Он велел отцу оставить пустые надежды и смириться с неизбежным. И вот теперь этот сине-черный кошмар снова лежал перед ним.

Он презирал отца, который когда-то на коленях вымолил у него лишние одиннадцать лет мучений. Презирал Жуйсюаня, крадущегося в тени его славы и жаждущего его гибели. Презирал и толпу алчных подхалимов, слетавшихся на его деньги, власть или красивое лицо с лживыми клятвами о спасении. Каждый их взгляд, каждое слово вопили о том, что он — ходячий мертвец.

Но потом появился Нань Цзин. Аньянь глупо поверил, что хотя бы этот юноша бескорыстен, что он пришел к нему не ради выгоды.

Он надеялся, что напоследок ему позволено прикоснуться к чему-то настоящему. Пусть на миг, пусть перед самым концом, но ощутить искреннее, незапятнанное желание удержать его в этом мире... Ему бы хватило и этого короткого сна.

Но Нань Цзин принес с собой этот проклятый кувшин.

Очевидно, кто-то заключил с ним сделку, вручил этот сине-черный кувшин и отправил разыгрывать спектакль. Вот почему тот так нежно шептал: «Режиссёр Юй, я не позволю тебе умереть».

Глаза Аньяня налились зловещей краснотой. Оторвав взгляд от глиняных боков кувшина, он резко вскинул голову. Нань Цзин стоял перед ним в алом свадебном наряде. Тонкий шелк платья в полумраке казался всполохами яростного пламени, готового в любую секунду обратиться в пепел.

Пламя зажигалки дрогнуло и погасло. Комната погрузилась во тьму. Прежде чем юноша успел снова высечь искру, Аньянь мертвой хваткой вцепился в его запястье. Пальцы режиссера были ледяными, как у трупа.

— Не зажигай, — выдохнул он. Его голос обдал юношу могильной стужей.

Ледяные пальцы скользнули вверх по руке и легли на шею Нань Цзиня, у самого основания челюсти. Аньяннь отчетливо ощущал под ладонью судорожное, частое биение пульса, чувствовал горячую кровь, текущую по венам. Одно резкое движение — и эта хрупкая шея переломится, как сухая ветка.

От ледяного прикосновения Нань Цзин невольно вздрогнул. Он слегка повел головой, пытаясь высвободиться, и с искренним беспокойством спросил:

— Что случилось? Режиссёр Юй, у тебя руки совсем ледяные. Давай я их согрею?

В ответ из темноты донесся тихий, глухой смех. В нем сквозило пугающее, безумное торжество.

— Нань Цзин... — Аньяннь выговорил его имя с тихим вздохом, смакуя каждый звук, а свободной рукой жестко схватил юношу за плечо.

Привыкая к темноте, Нань Цзин разглядел силуэт склонившегося к нему режиссера. Его глаза хищно поблескивали.

— Ответь мне, — хрипло потребовал Аньяннь. — Кто велел тебе принести этот кувшин? Что тебе пообещали за то, чтобы ты втерся ко мне в доверие? Деньги? Славу? Роли?

— Ой, ты заметил... — Нань Цзин испуганно зашуршал тканью, пытаясь вслепую запихнуть кувшин обратно в рюкзак. — Мне велели ни в коем случае не показывать его тебе. Сказали, если ты его увидишь, твоей жизни будет угрожать смертельная опасность!

Мужчина перехватил его запястье, лишая возможности спрятать вещь.

— Перестань вилять! — ледяным тоном оборвал он его. — Какую цену тебе заплатили за этот кувшин?

Нань Цзин растерянно нахмурился. Он не совсем понимал причину этого гнева, но ответил честно:

— Отец и брат пообещали мне пять миллионов, если я буду носить его с собой.

Аньяннь запрокинул голову. Длинные пряди волос рассыпались по плечам, его кадык судорожно дернулся, и комнату вновь наполнил хриплый смех:

— Пять миллионов...

— Пять миллионов. Цена одной захудалой безделушки из моей коллекции. Выходит, во столько вы оценили мою жизнь?

— Нет, ты не понял, — качнул головой Нань Цзин, настойчиво пытаясь достучаться до него. — Эти деньги мне дали только за то, что я буду держать кувшин при себе. К твоему спасению это не имеет никакого отношения. Я помогаю тебе только из-за колокольчиков.

"Из-за колокольчиков? — с горечью подумал он. — Какая дешевая ложь. Неужели он даже не попытался придумать что-то более правдоподобное?"

Уголки губ режиссера исказила злая, измученная усмешка. Он в упор посмотрел на юношу:

— Что ж, Нань Цзин. Раз уж ты явился спасать меня ради этих жалких миллионов, давай погибнем здесь вместе, в этой чертовой деревне. Считай, что каждый из нас получит то, что заслужил.

Нань Цзин совсем запутался. С чего вдруг его собеседник так разъярился? Но стоило ему приоткрыть рот, чтобы объяснить, как Аньян рванул его на себя за плечи с пугающей, бешеной силой. Юноша охнул, когда их лбы соприкоснулись. Лицо режиссера оказалось в считанных сантиметрах от его собственного; Нань Цзин кожей чувствовал его прерывистое, обжигающе-холодное дыхание.

От этого холода хотелось отстраниться, но пальцы мужчины впились в плечи мертвой хваткой, словно он намеревался раздавить его в своих объятиях.

"Наверное, он серьезно болен, — подумал Нань Цзин. — У него сильный жар".

"Люди в бреду часто ведут себя странно, на него нельзя обижаться".

Нань Цзин попытался немного отстраниться и тихо, стараясь согреть его своим дыханием, повторил:

— Тебе нельзя умирать. Я не допущу этого.

Аньян сжал в кулаке алую ткань свадебного платья. Кожа юноши, едва прикрытая легким шелком, казалась ослепительно белой в темноте, а его влажные розовые губы невольно приоткрылись. Мрак вокруг словно зашевелился, наливаясь тяжелой, душной энергией, пока в глубине глаз режиссера разгоралось безумное пламя.

В ушах Нань Цзиня внезапно раздался чистый, хрустальный звон колокольчика. И сквозь пелену тьмы он отчетливо увидел, как из груди Аньяня, прямо от сердца, медленно потянулась тонкая пунцовая нить. Она слабо светилась, извиваясь и пульсируя, словно живая, устремляясь прямо к нему.

Нань Цзин замер, замороженно глядя на это чудо светлыми, растерянными глазами.

— Если я сгину в этой деревне, — Аньань коснулся своим лбом его лба, и маленькая алая родинка у внешнего уголка его глаза хищно дрогнула, — то умру с такой всепоглощающей злобой на весь мир, что мгновенно обращусь в свирепого демона.

Его плотоядный взгляд медленно скользнул от аккуратного носа Нань Цзиня к его искусанным губам, а затем опустился ниже, к изящной шее, охваченной высоким воротником свадебного наряда. Мужчина тихо, пугающе рассмеялся:

Сжав тонкое запястье юноши, Аньань ладонью ощутил хрупкие косточки.

— Нань Цзин, раз уж тебя выбрали в качестве жертвенного дара...

—...то вместо того, чтобы достаться местной нечисти, женись на мне.

— Умри в деревне Одинокого Дракона, Нань Цзин. Стань вечным спутником моего безумия.

<http://bllate.org/book/19041/1950850>